

**ВАЛЕРИЙ ПЕРЕЛЕШИН**

# **ЮЖНЫЙ КРЕСТ**

*Антология бразильской поэзии*

*Памяти Евгении Фаддеевны  
Дубянской*



Дорогому Василию Павловичу Беткин с приветом и  
пожеланиями дальнейшей творческой успешности.

Валерий Перелешин

Рио де Жанейро, 17-го июля

**ВАЛЕРИЙ ПЕРЕЛЕШИН**

1979 г.

## ЮЖНЫЙ КРЕСТ

*Антология бразильской поэзии*

Из Москвы нам пишут, что эта антология бразильской  
поэзии — первая на русском языке. По этому Валь ее по сти-  
лю дружба, не, естественно, буду рад, если о ней напишете.

© by V Pereleshin, 1978  
Printed by Polyglott-Druck GmbH  
Frankfurt/Main

## ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Бразильская литература находится генетически в таком же отношении к литературе португальской, как литература США к английской, и в первый период (XVI век и до середины XVII-го) представляла собою произведения португальцев, написанные за морями. Служащие колониальной администрации и, в особенности, миссионеры — вот тот класс, из которого вышли первые писатели, рассказавшие своим соплеменникам о Бразилии на их языке и в духе их традиций. В первые полтора столетия на бразильской земле продолжалась португальская литература, как в северо-американских колониях продолжалась литература английская, а в испанских колониях — испанская.

Политическая независимость Бразилии пришла довольно поздно. Формально до 7 сентября 1822 года бразильской национальности не существовало, и «все мы были португальцами». Несмотря на это, у нас есть полное основание начать обзор бразильской литературы, в частности, поэзии, если не со дня открытия Бразилии в 1500 году, то, во всяком случае, с того времени, как португальская литература в Новом Свете стала приобретать свое лицо, иное, чем у португальской литературы собственной Португалии.

Известное обособление стало неизбежным довольно скоро. Португалец, выходец из маленькой провинциальной страны, одного из «захолустий Европы», оказывался в Бразилии в совершенно новых условиях. Всё было иное, начиная со времен года (зима в июле, лето в январе), звездного неба, туземного населения, животных и растений, и этот в полном смысле слова новый мир безыменных, не названных предметов и явлений требовал от португальского колониста творческого по-

рыва и культурного освоения всех этих столь чуждых форм. В Бразилии португалец должен был изменить и свое мировоззрение под влиянием безграничных просторов, буйной растительности, незнакомого дотоле образа жизни, неведомых дотоле языков, верований и обычаев. Десятки туземных — индейских — слов стали входить в обиход переселенцев, неся с собою новые ассоциации смысловые и звуковые.

Естественно, первые колонисты оставались сынами своей страны, мечтали разбогатеть и вернуться на родину. С тою же мыслью приезжают в Бразилию многие иммигранты из Португалии и в наши дни. Не все, однако, возвращаются. Временный дом для многих становится постоянным. Иммигрант обзаводится семьей и собственностью и откладывает возвращение на родину, в страну маленькую и бедную, из огромной, теплой и приветливой Бразилии и, в конце концов, просто не успевает вернуться домой, а его дети, родившиеся на бразильской земле, ставят Бразилию на первое место, а Португалию лишь на второе.

За первой — индейской — волной новых понятий и слов пришла вторая. Ввоз сотен тысяч африканских рабов для работы на сахарных плантациях северо-восточной Бразилии сопровождался вхождением в португальский язык десятков африканских слов и вызвал возникновение новых понятий, связанных с отношениями рабовладельца и раба.

В итоге этого двукратного обогащения чуждыми элементами португальский язык (латинского корня, но давно обогатившийся арабскими словами) превратился в Бразилии в язык более сложный по составу, ибо наряду с латинскими и арабскими корнями в нем присутствуют слова индейского и африканского происхождения. Но не только письменный язык постепенно изменялся: разговорная речь тоже стала иной даже по своей грамматической структуре, а фонетически «бразиль-

ский» язык более гармоничен и певуч, чем язык континентальной Португалии.

Европейский португалец глотает гласные звуки, смешивает согласные «б» и «в», чего бразилец никогда не делает. Дикция португальца ужасна («каша во рту»), а бразильцы, например, из штата Эспирито-Санто, имеют удивительно мягкий выговор и скорее поют, чем говорят. Иностранец, проживший в Бразилии лет десять, научится отличать по произношению не только португальца от бразильца, но и бразильцев из разных штатов одного от другого.

Несколько раз академии словесности Португалии и Бразилии обещали друг другу «поддерживать великолепное единство португальского языка», но в наши дни это не более, чем благочестивое пожелание. Говорить о бразильском языке еще рано, но диалектических вариаций становится всё больше и больше, и в какой-то момент их станет слишком много, и тогда от «великолепного единства» просто ничего не останется.

В числе первых поэтов, писавших на бразильской земле, были миссионеры, часто излагавшие катехизис в стихах, применяя известный мнемонический прием. Только малая часть этих виршей, в которых лишь изредка встречаются крупницы подлинной поэзии, принадлежит перу знаменитого иезуита Жозе де Аншиета, хотя ему иногда приписывается всё это наследие целиком. Надо оговориться, что все эти стихотворцы были и оставались португальцами, так что их значение в истории бразильской поэзии невелико.

В 1601 году была издана в Лиссабоне эпическая поэма «Просопопея», в которой на протяжении девяноста четырех строф воспевался Жозе де Албукерке Коэльо, генерал-губернатор Пернамбуко. Автором этой поэмы, полной риторического треска и преувеличенных похвал, был Бенто Тейшейра, которого называют первым поэтом, родившимся в Бразилии. В наши дни, однако, историки литературы приходят к заключению,

что Тейшейра был, на самом деле, уроженцем португальского города Порто.

Только во второй половине XVII века появляется бесспорный бразилец Грегорио де Маттос, уроженец Салвадора, сатирик, прославившийся еще больше своими амурными похождениями и, в конце концов, высланный в Анголу. В своей лирической поэзии Маттос был гонгористом (последователем испанского поэта Гонгора, славившегося изощренностью техники стиха), а его сатиры давно утратили всякую остроту.

Тогда же, во второй половине XVII века, стали возникать на бразильской земле литературные кружки, в которых постепенно созревало национальное самосознание и бразилец начинал противопоставлять себя португальцу. Началось с чувства легкой обиды на то, что мыслящая Португалия тех лет пренебрегала Португалией заокеанской. Первый такой кружок не случайно назвал себя «Академией Забытых». Робкое начало — желание напомнить родине, охладевшей к собственным сынам, что «мы есмы», но из этого чувства родились и другие подобные кружки («академии» Возрожденных, Счастливых, Избранных, «Заморская Аркадия», Литературное Общество); их творчество сегодня совершенно — и справедливо — забыто. Они упражнялись в сочинении верноподданнических од португальским королям, акростихов, анаграмм, сонетов, в которых каждая строчка была на другом языке!

Одновременно укреплялся и «нативизм». Появились весьма посредственная поэма «Остров прилива» Мануэла Ботельо де Оливейра (1636—1711), «Описание острова Итапарика» монаха Мануэла де Санта Мария Итапарика (1706-68?), произведения «горняков» (минейрос, то-есть поэтов провинции Минас Жераис, ставшей в середине XVIII века центром не только «золотой лихорадки», но и умственной деятельности и выдвинувшей гениального скульптора Антонио Франсиско Лисбоа, прозванного «Алейжадиньо» — Милым Маленьким Ка-

лекой, художника Мануэла да Коста Атаиде и других), в той или иной мере отразившие окружающую поэтов бразильскую действительность. Не случайно несколько «горняков» оказалось замешано в заговоре 1789 года, направленном против португальского владычества. Заговорщики были схвачены — один из них покончил самоубийством, двое были сосланы в Африку.

Один из поэтов этой группы, Томас Антонио Гонзага (1744—1810), уроженец Порто, но сын бразильца и португалки английского происхождения, в детстве жил в Бразилии, но шестнадцати лет уехал в Коимбру учиться. В 1782 году он снова прибыл в Бразилию, где служил по судебному ведомству. В это время он, уже «мужчина средних лет», пламенно влюбился в шестнадцатилетнюю Марию Доротею Жоакину де Сейшас, которую воспел в своих стихах под именем Марилии. Свадьба была назначена на конец мая 1786 года. Однако, поэт был задержан, как заговорщик, и заключен на крошечном Змеином острове в Рио де Жанейро, откуда вышел только в 1792 году, чтобы отправиться в ссылку в Мозамбик. Оказавшись там единственным хорошим правоведом, он был назначен прокуратором короны и позднее женился на одной особе «с большим состоянием, но малым образованием». Зато Марилия осталась верна своей первой любви. Никогда не вышла замуж и умерла в глубокой старости. Личное счастье поэту не удалось, но его сборник «Марилия де Дирсеу» стал самой популярной после «Лузиад» Камозенса книгой на португальском языке. Лиризм сочетается в творчестве этого поэта с замечательным чувством пейзажа — уже не европейского, а американского.

Тот же Гонзага был, повидимому, автором и сатирических «Чилийских писем», подписанных именем Критила. Это остроумная критика нравов, жадности, честолюбия и чувственности.

В 1967-ом году Бразилия выпустила серию «Знаменитых женщин» на почтовых марках. На марке досто-

инством в два сентаво изображена «Дирцеева» Марилия.

Просто и естественно, а не как нечто экзотическое, выступают бразильский пейзаж и новые формы жизни и отношений у поэта Силва Алваренга (1749—1814), одного из предтеч бразильского романтизма. Новый аспект — индианизм — появляется у Базилио да Гама (1741-95) в строгой по форме поэме «Уругвай», где рассказывается о столкновении португальцев с индейцами (и заодно «достаётся» иезуитам). Тем же индианизмом дышит «Карамуру» поэта Санта Рита Дуран (1720? — 1784), хотя индейская красавица Парагуасу описана, как белоснежная дева с румянцем во всю щеку, причем она сразу влюбляется в португальца — искателя добычи и приключений, одного из «конкистадоров» XVI века. Мы не верим Дурану, когда он рассказывает о легендах о потопе и странствиях апостола Фомы, будто бы сохранившихся у индейцев. В заключение Диого Алварес (Карамуру) и прекрасная Парагуасу уплывают на корабле — прямо ко французскому двору, где Карамуру расскажет о Бразилии и ее чудесах королю Генриху II. Язык у Дурана классически правильный, и он часто призывает к защите индейцев от притеснений со стороны колонизаторов и авантюристов.

Во второй половине XVIII и в XIX веке поэты уже исчисляются не единицами, а десятками, и это уже не продолжатели португальских традиций, а искатели новых форм, близких к народной песне и музыке. Здесь будут названы Домингос Калдас Барбоза (ум. в 1800 г.), автор «Скрипки Лерено», Гонсалвес де Магальяэнс («Поэтические вздохи»), Жозе Гонсалвес де Магальяэнс, маркиз де Арагуайя (1811-82), Мануэл де Араужо Порто Алегре, барон де Санто Анжело (1806-79), автор поэмы «Колумб», в которой образ великого мореплавателя искажен до неузнаваемости.

Подлинными романтиками — Антонио Гонсалвес Диас (1823-64), замечательный поэт и переводчик, Мануэл Антонио Алварес де Азеведо (1831-52), Казими́ро де

Абреу (1839-60), монах Жункейра Фрейре (1832-55) и множество других — отличаются от романтиков европейских больше всего своим «индианизмом», приписывающим суеверным дикарям и людоедам внутренних областей Бразилии благородство и утонченные чувства европейцев и заставляющим миссионеров XVI века («Евангелие в джунглях») обращаться к индейцам с длинными цветистыми проповедями, которых дикари, прежде всего, не понимали!

Антонио де Кастро Алвес (1847-71) интересен только исторически, как поэт «аболиционизма», требовавший отмены рабства во имя гуманности. Пафос его «Невольничьего корабля» не выветрился и по сей день, хотя рабство в Бразилии было окончательно отменено в 1888 году.

Ко второму поколению романтиков принадлежит метис Жоакин Мария Машадо де Ассис (1839—1908), эпилептик, поэт и автор нескольких удачных романов. Луис Делфино дос Сантос (1834—1910) более всего интересен, как сонетист. Врач, а не профессиональный писатель, он успел отдать дань и романтизму, и парнасской школе, и символизму, всегда умея сочетать чувственность с духовностью, совершенство слога со смелым прозаизмом, и внести в поэзию свою личную, самобытную и неповторимую ноту.

В конце шестидесятых годов возник бунт против романтизма. Сентиментальность чисто любовной лирики начинала раздражать. Родилась научная и философская поэзия (Силвио Ромеро, Мартинс Младший, Антонио Жозе Гонсалвес Креспо). Парнасская школа пытается вернуться к классицизму и отходит от пошлого сентиментализма и слезливости. Парнасец трактует любовь, как нечто правдоподобное — тем более, что и баришши-недотроги колониальных времен уже исчезли. В образах парнасцев больше трезвости, в их ассоциациях есть известная смежность и цельность. Они не пытаются сблизить предметы, логически отстоящие очень

далеко один от другого, избегают расплывчатости очертаний, не терпят недомолвок и намеков. В стихах парнасцев есть что-то от скульптуры (Раймундо Коррейя, Висенте де Карвальо, Алберто де Оливейра, Олаво Билак). Однако, господствующая нота у них — экзальтированное красноречие.

В частности, Билак предпосылает тому своих стихотворений «Исповедание веры» — пересказ известного стихотворения Теофиля Готье, переведенного также на русский язык Гумилевым («Искусство»). Неопарнасская школа пережила даже символизм и дала таких поэтов, как Амадеу Амарал, Гулар де Андраде, Умберто де Кампос, Раул де Леони, поэтесса Жилка Машадо.

Прежде, чем перейти к символизму, следует отметить Жозе де Абреу Албано (1882—1923), который поставил себя вне школ и направлений и, в конце концов, вернулся в Португалию духовно и физически. Разочарованный в современности, он стал писать на португальском языке Камозанса (XVI век!).

Бразильский символизм характеризуется теми же чертами, что символизм французский: неточностью очертаний, зыбкостью словаря, музыкальной — более, чем пластической — трактовкой формы, какою-то общей сумеречностью. Центральная фигура бразильского символизма — негр Жоан да Круш и Соуза (1863-98). Воспитанный маршалом Шавьером де Соуза, участником парагвайской войны, который освободил своих рабов, Жоан впоследствии, когда его покровитель умер, сильно бедствовал в Рио де Жанейро, что, впрочем, не помешало ему жениться на своей «темной лилии» (которая вскоре сошла с ума). Поэзия Круш и Соуза питается горечью разочарований, неудачами в попытках вырваться из рядов «презренной расы» и подняться по ступеням социальной лестницы. Создание «евхаристического одухотворения» он называл своим Белым Сном. Его любимым цветом был белый (чисто белый, лунно-белый, снежнобелый, облачно-белый, пеннобелый, жем-

чужнобелый...). Руки у жены, Гавиты, были черные, но поэт видел «все целомудренно белые сны сладострастия» в этих объятиях. Несмотря на этот почти патологический комплекс, образ этого поэта рисуется привлекательным, но вместе с тем жалким и трогательным.

Под покровом Белого Сна таилась в этой «украденной душе дикаря» экзотическая Африка с ее намеками, с ее плачем, «скорбное и окровавленное создание взбунтовавшихся дьяволов», нелепая и печальная, «на голову которой, нирванизированной презрением целого мира, Бог бросил смертельный мрачный ужас вечных проклятий». Черное и белое сразились в этой тоскующей душе, и душа была сломлена.

Второй выдающийся бразильский символист — Алфонсо Энрикес да Коста Гимараэнс (1870—1921), вошедший в литературу под именем Альфонсуса де Гимараэнс. В его творчестве сочетались религиозность, граничащая с мистицизмом, и общее пессимистическое настроение. Последнее отчасти объясняется тем, что большую часть своей жизни поэт провел в сонном городке Мариана, почивающем «на белом лоне литаний», был относительно беден и имел четырнадцать человек детей. Для честного пессимиста жизнь есть страдание и зло, из чего выводятся необходимые заключения, но есть и своего рода вторичный пессимизм, возникающий, как вывод из одной не вполне удавшейся жизни. Такой «пессимизм», очевидно, внутренне ложен и неглубок, и поэтому мы называем его «пессимистическим настроением», а не пессимизмом.

Из многих позднейших символистов хочется упомянуть Марио Педернейрас (1867—1915) и Марсело Гама (1878—1915). Один критик сказал о Марио Педернейрас, что это был «поэт садов, осенних сумерек, болотных сумерек мая, благоуханных ночей в предместьях Рио де Жанейро, его родного города, который он так любил и которым так умел восхищаться». Вокруг Марио Педернейрас группировались меньшие поэ-

ты. Программные парнасская школа и символизм постепенно изживались, складывался тот самый синкретизм, который был в Латинской Америке подготовкой к модернизму Рубена Дарио.

Только однажды эта атмосфера изящной мягкости была прорезана варварским кличем странного поэта, на обложке книги которого было напечатано крупным шрифтом: «Я». Автором этой «бомбы» был юный Аугусто доз Анжос (1884—1914), принесший в поэзию свой предельный эгоцентризм, свое неприятие жизни, свой «невроз Бесконечности», свои поэтические судороги.

Аугусто доз Анжос, в творчестве которого многое не успело созреть и не было додумано до конца, быть-может, самый своеобразный бразильский поэт. Его стихи перегружены научными терминами, но ритмы свежи, и его книга осталась одной из наиболее читаемых (более тридцати изданий с 1912-го года до наших дней).

Аугусто доз Анжос ничего не написал о «любви» в обывательском смысле слова, ибо в любви он видел «трансубстанциацию грубых инстинктов... идущую выше жалкой плоти». Бразильцы считают этого поэта пессимистом, но, как будто, и у него были моменты если не веры в жизнь, то иллюзии ее неистребимости.

Только в двадцатых годах нашего века в бразильской поэзии появилось новое движение, получившее название модернизма. Бразильский модернизм не имеет ничего общего с модернизмом поэтов, пишущих по-испански. Здесь это имя присваивается Олега́рио Мариано, Алваро Море́йра и многим другим должникам как парнасцев, так и символистов. В мягких голосах этих поэтов отзвучали последние трубы парнасской школы и даже запоздалые отголоски романтизма.

«Когда я чувствую лирический подъем, — разъяряет один из модернистов, одареннейший Марио де Андраде, — я пишу, не думая, обо всем, о чем кричит мое подсознание. Думаю потом: не столько для того, чтобы исправить, сколько для того, чтобы оправдать написан-

ное. Я уверен, что лиризм, родившийся в подсознании, очищенный в ясной или путаной мысли, создает фразы, которые бывают и целыми стихами, что не мешает считать слоги и располагать ударения определенным образом. Это искусство, добавленное к лиризму поэзии, не вредит безумному бегу лирического состояния, но предупреждает его о камнях и проволочных заграждениях на пути. Оставим его спотыкаться, падать и ушибаться. Искусство в том, чтобы выполоть потом из стихотворения нудные повторения, романтическую сентиментальность, бесполезные или невыразительные подробности. Но да не будет искусство очисткой стихов от красочных преувеличений».

Мы привели этот символ модернистской веры полнотью. Добавить к нему нечего, так как в нем намечен весь дальнейший путь модернизма. Марио де Андраде признает только размер, но не упоминает о рифме, цезуре, канонических формах (сонетах, терцинах) и т. д. Действительно, все эти формальные элементы исчезли из поэзии модернистов почти сразу. Более того: процесс ликвидации формализма на этом не остановился, и сегодняшние бразильские модернисты перестали и «считать слоги». Установилась «полная свобода». Поток вдохновения стремится мощной струей и сносит все преграды. Модернизм торжествует в бразильской поэзии, как и во многих странах мира, но нам представляется, что в темнотах сердец всё растут опасенья, что где-то потерялась, заодно с формой, и внутренняя правда поэзии. Бесформенность собственных произведений часто не удовлетворяет и самих модернистов: спорадически у них появляются то размер, то рифма, то даже цезура. Смутно они тоскуют о формах, которые сами же разрушили так поспешно и с таким ребяческим злорадством.

Последовательный модернист не станет писать сонеты, но модернист непоследовательный сонет напишет. Однако, он перенесет свою непоследовательность

и в свой сонет: в нем будет четырнадцать строк, в нем будет выдержан счет слогов, но зато в нем не окажется... рифмы!

Модернист редко бывает только модернистом. Большинство поэтов этой школы тоскует о музыке (ритм и размер), об эхо (рифма), о законченности, и в какой-то день каждый из них потщится написать лирическое стихотворение в духе «старой» (а на самом деле — вечной) школы.

Назовем в заключение некоторых из самых популярных бразильских модернистов. Это Освальд де Андраде (1890—1954), Рональд де Карвальо (1893—1935), Рибейро Коуто (1898—1963), Гильерме де Алмейда (1890—1969), Тассо да Силвейра (род. в 1895 г.), Мурило Араужо (род. в 1894 г.). Очень запоминаются стихи Сесилии Мейрелес (1901-64) с ее изящными образами и поразительной наблюдательностью. Мелькают в журналах имена поэтов Карлоса Друммон де Андраде (род. в 1902 г.), Эмилио Мора, Экрикеты Лисбоа, Аугусто Мейера, Билу, Асенсо Феррейра.

Жоакина Кардозо (род. в 1897 году) известный поэт и критик Мануэл Бандейра назвал «скорее отсутствующим, чем деятельным участником модернистического движения». Только в 1971-ом году вышло полное собрание стихотворений Жоакина Кардозо, оказавшегося не исключительно модернистом, а в то же время и автором многих метрически строгих рифмованных стихов, даже сонетов.

Содержание творчества модернистов невозможно свести к нескольким положениям. Каждый поэт, будь он классик, романтик, символист или модернист, имеет свой собственный мир мысли, свое мироощущение. Далеко не все нуждаются в том, чтобы что-то «отражать», как зеркало, или удваивать существующий видимый мир, как фотографический аппарат. Многие поэты входят в самих себе целые галактики.

За последнее время в Рио де Жанейро мелькнуло новое «движение», лозунгом которого явилось «стихотворение-процесс». Рассуждала эта группа молодежи не без известной последовательности. Восприятие стихов, как и всякое другое восприятие, сводится к ощущениям, но ведь такое же ощущение может быть вызвано и рисунком, и звуком, и запахом, и даже вкусом. Эта группа выпустила свой «сборник» не-стихов: он состоял из линий, орнаментов и геометрических фигур. Барабан, одеколон и сэндвичи в первом издании не фигурировали, а было бы недурно получить за свои деньги порядочный «сандуиш американо». Нетребовательному «читателю» (?) предлагается «зреть и узреть» в этих потугах некий сокровенный смысл. Новое «движение» было настроено агрессивно: однажды молодые «поэты» публично сожгли на ступенях парадной лестницы ратуши книги «бессовестно устаревших и совершенно исчерпавших себя»... модернистов.

На далеком севере, почти у экватора, единоверцы этой новой группы тоже не дремали. В марте 1970 года некая Моаси Сирне выпустила в городе Жоан Песоа «книгу» из трех свернутых листов, на которых не напечатано ничего: и заглавие, и текст «пущены» белым по белому фону. И правда: что может быть «яснее», чем лист белой бумаги?

Предлагаемый сборник стихотворений бразильских поэтов, названный именем созвездия Южного Креста, изображаемого и в гербе Бразилии, и на ее флаге, состоит из двух частей. В первой части представлены некоторые поэты, стихотворения которых построены по тем же принципам, что и стихи лучших и хороших русских поэтов. Во втором отделе представлены «травас» — бесконечно разнообразные по содержанию стихотворения из четырех строк. От корня «травас» происходит знакомое нам слово «трубадур», но бразильские «травас» своей лаконичностью больше всего походят на русские частушки. В частности, лично мне удалось пе-

ревести на португальский язык одну русскую частушку («Мы с миленочком моим / Радиолюбители: / У нас дети родились / Громкоговорители»), и в переводе она зазвучала, как типичная для бразильских «травас» миниатюра.

Биографические сведения о поэтах, представленных в этой краткой антологии, читатель найдет в любом справочнике по бразильской литературе. Едва ли он найдет, впрочем, данные о жизни многих авторов «травас» (второй части настоящего сборника), из которых широко известен только Дурвал Мендонса.

Поэты первой части — классики, поэты современные или известные в более ограниченном кругу. Исключение только одно: Антонио Эдуардо Аугусто Пинто Азеведо, с которым переводчик случайно познакомился на почте при покупке юбилейных марок и которому было тогда шестнадцать лет. Стихотворение «Сон» тогда уже существовало.

Переводы, составившие «Южный Крест», сделаны в разное время (1955—1977 гг.). Естественно, взгляды переводчика не стояли на месте. Первоначальная терпимость (к бедным рифмам, к несоблюдению цезуры в сонете) сменилась требованиями формального совершенства, строгости, обеспечивающей звучность.

«Отрывок», которым открывается сборник, был взят из какой-то газетной статьи, и автор его переводчику не известен. Это мог быть Тито де Баррос, о котором шла речь в статье, но мог быть и другой поэт.

**I**



### ОТРЫВОК

Больше боится, уйдя в молчанье,  
Тот, кто совсем не хочет болеть.  
Только поэту дано призванье  
От нестерпимой жизни — петь.

Правая пишет рука с искусством,  
Левая — с сердцем, с болью, с душой.  
Если ты первенство отдал чувствам,  
Значит, не думай, а будь левшой!

АЛВАРЕС ДЕ АЗЕВЕДО

СОНЕТ

Красавица, как для ночных парений  
Омытая бальзамами луна,  
Спит на цветах, надоблачно бледна,  
Игралище лампадных светотеней.

Русалку ли к подножию ступеней  
Примчал прибой, и, вот, истомлена,  
Доверчиво припала к ним она  
Под ливнем брызг и радужных видений?

Ах, эта грудь! И пена так легка.  
Из-под ресниц огонь стремится страстный,  
А нагота заманчиво-близка...

Не смейся же! В бессоннице напрасной  
Я бережно лелеял облака,  
Чтоб умирать во снах с улыбкой ясной!

АНТОНИО АЗЕВЕДО

\*\*  
\*

Зачем,  
вверчены в суету,  
мчимся до одуренья?  
Чтоб умереть в поту?

И как  
шутка возникла эта?  
Радости нет от зренья,  
если всё меньше света.

И в чем  
песню я обрету,  
с башни воображенья  
свергнутый в пустоту?

## СОН

Когда разгораются звезды,  
Корону я, солнечный, прячу,  
Чтоб, лунная, ты воцарилась.  
Наощупь иду, наудачу —

Как ты приказала: «Живи  
Лишь бредом о милой любви,  
Волшебным, обманчивым сном,  
Несбыточным сном.»

Возникла стена между нами,  
Как вечная ночь без исхода:  
Ничем не пробить эту стену...  
За нею — любовь и свобода,  
Что некогда виделись мне  
Почти наяву, не во сне,  
Но так и растаяли сном,  
Несбыточным сном.

Как больно блуждать в полумраке,  
В кольце бесконечно постылом,  
В глухом одиноком томлении,  
Слыть добрым, любезным и милым,

Но чуждым остаться для той,  
Что светлой мелькнула мечтой,  
Обманчивым радужным сном,  
Несбыточным сном!

ЖОЗЕ АЛБАНО

СОНЕТ

От первых дней безжалостный нажим  
Мне сделался в нелегкой жизни ведом.  
Своим я стал скорбям, а не победам,  
И в мире шел бродягою чужим.

Поэт, я жил, безумством одержим,  
Обманывал себя же сладким бредом,  
И, с памятью плывя по прежним бедам,  
Я плачу вновь лишь над собой одним.

И все-таки, когда, уже изъятый  
Из мира снов, который так любил,  
Вновь мучаюсь давнишнею утратой,

Я сознаю, как светел путь мой был,  
Оправданный счастливейшей отплатой  
Ведь боль мою я в песни претворил!

ГИЛЬЕРМЕ ДЕ АЛМЕЙДА

## ЛЕТО

Зной. Опахала сомлели пальмы тощей,  
И неохотно банановые рощи  
еле колышут свои веера:  
как по отвесу, струится по ним жара.  
Кажутся выпуклей и человечней предметы:  
нет ни бабочек синих, ни лирических горленок.  
Сонные осы одни, насквозь прогреты,  
полуразжиженные, но упорные,  
по лужайке ползут, по растрескавшейся эмали.  
А вдалеке последним романтиком  
по напряженному воздуху бьет металлом  
клюв арапонги с тоской барабанщика.

МАРИО ДЕ АНДРАДЕ

ПЕСЕНКА ИНДЕЙЦЕВ ПАРЕСИ

Юная Камалало  
За плодами в лес пошла  
Рано утром по росе  
В час, когда еще темно.  
Ах, когда еще темно.

На ветвистом «таруман»  
Кто-то пел невдалеке.  
Девушка сошла с тропы,  
Чтоб увидеть, кто поет.  
Ах, увидеть, кто поет.

В темноте не разглядев,  
Говорит Камалало:  
— Дай мне ягод, Арити,  
Я до смерти голодна.  
Ах, до смерти голодна.

Рассмеялся человек:  
— Зуймаалути слепа,  
Думает, я — Арити?  
А ведь я — божок лесной.  
Ах, то был божок лесной.

АУГУСТО ДОЗ АНЖОС

### ГОЛОСА СМЕРТИ

Итак, теперь! Склонись перед пилой,  
О кипарис, прибежище печали!  
Давно твои прожилки обветшали,  
Как у меня, — а я насквозь гнилой.

Что эта ночь? Увы, проигран бой.  
А дальше — тлеть, и там, за дымкой дали,  
В далекий год отыщутся едва ли  
Два остова, не ставшие золой.

Лишь семенам твоим конец не страшен:  
Взойдут они по закоулкам пашен  
Отместкою и будущим твоим.

Так! Оба мы поднимемся из пыли:  
Срубили нас обоих — и забыли,  
Но, мертвые, мы детям жизнь дадим!

## МЕРТВОМУ ЯГНЕНКУ

На палача, который агнца мог  
Четвертовать, падет проклятье Пия  
Десятого, но лучше ли другие,  
Чей дух суров и темен, и жесток?

И тот еще, кто, отрубив кусок,  
Продаст его за медяки шальные?  
Ведь ты зимой и в ночи ветровые  
Нас обогрел в бездомности дорог!

Нож полоснул по жиле кроткой шеи,  
И выжали густую кровь злодеи,  
А ты уже глазами их простил.

Ты — жертвенность и знаменье прощенья,  
И Богом став, ты даже в день отмщенья  
Простишь того, кто здесь тебя убил!

## ОТКРОВЕНИЕ (1)

Я — водолаз в новооткрытом море,  
Я — с Буддой дружащий сибарит:  
Схожу я в пласт первичный, что сквозит  
Равно в любви и бешеном раздоре.

Я напряжен. Я слушаю — и вскоре  
В мой вещий слух таинственно скользит  
Мир спутанный: он бьется и горит  
В сознании том, что было на запоре.

Здесь, в пропасти колеблемых глубин,  
С самим собой я остаюсь один:  
Ужасный мозг вращая дерзновенней,

Вновь с торжеством расставляю я в тиши  
Вселенные, что в сумерках души  
Зарожжены в обличьи сновидений.

МАШАДО ДЕ АССИС

### КАМОЭНС

С Вергилием пройдя по всем подвалам,  
Был Данте взят в отрадные места,  
Где снова с ним водительницей — та,  
Что грезилась глазам его усталым.

Они взойдут, но больше не по скалам,  
К возвышенным обителям Христа,  
Где красота, любовь и чистота  
Увенчаны блаженством небывалым.

Вернись и ты, Камоэнс, к бытию  
И приговор узнай благой и правый:  
За боль разлук обласканный в раю,

Незлобивый, посмертно величавый,  
Прими к себе Натерцию свою,  
Которая теперь зовется Славой!

## КАРОЛИНЕ

Любимая, на ложе ты вступила  
Последнее, чтоб отдохнуть во сне.  
А я — у ног, и сердце то во мне,  
В котором ты жила и говорила.

И та же в нем любовь, и та же сила,  
Что, вопреки пустой людской возне,  
Жизнь делала желанною вдвойне  
И целый мир вмещала и носила.

Со мной цветы — осколки той страны,  
Что знала нас живых и неразлучных, —  
И, вот, мертвы и, вот, разлучены.

И у меня в глазах, больных и скучных,  
Написаны и каждому видны  
Сны прошлого — годов, уже беззвучных.

## МАРФА И МАРИЯ

Дай делу Марфину Мариино касанье,  
Дай солнца поцелуй забытому кусту,  
И выпрямится он, счастливый, весь в цвету,  
И станет милым труд, и радостным старанье.

Найдешь и в матери девичью высоту:  
Супружеский союз — благое сочетанье,  
И вместо одного в нем для двоих призванье,  
И дело всякое вершится налету.

Оставь, о женщина, пустое колебанье  
И сердцу возврати и мощь, и теплоту,  
И озарят они земную красоту,

Лучами кротости согреют мирозданье.  
Так солнце жизнь дарит забытому кусту,  
А Марфину труду — Мариино касанье.

## ПОРОЧНЫЙ КРУГ

Признался светлячок, тщеславием горя:  
— «Я добрый труженик, и я бессмертья стою,  
И белокурою хотел бы стать звездой!»  
Звезда же, на луну завистливо смотря,

Вздохнула: — «Если бы прозрачней янтаря  
Светилом я была, я-б тешилась игрою  
Лучей среди колонн и готикой сквозною!»  
Но, глядя с горечью на солнце, на царя,

Луна заплакала: — «О, стать бы мне такою,  
Как солнце, и царить, миры животворя!»  
А солнце молвило, главу склонив с тоскою:

— «Я властью утомлен. Лучи кругом даря,  
Давно я праздному не радуюсь покою.  
Мне стать бы светлячком простым — и жить не зря!»

## СОЗДАНИЕ

Незыблем этот мир, но правит им одно  
Голодной пыткой томимое создание:  
Глотать свою же плоть оно обречено.

Его на склонах гор я вижу пребыванье  
И в пропастях морских — и всюду на земле  
То сон обманчивый, то новое смыканье.

Причуда у него, как знамя, на челе,  
Во взгляде — бешенство жестокости и ласки,  
Где я тону в любви и беспощадном зле.

Ему равны и боль, и радостные пляски,  
Колибри нравится, но и червяк смешной,  
И лики красоты, и дьявольские маски.

Голубка и шакал пред ним равны судьбой.  
Невозмутимое, во всех веках и странах  
Оно колышется, как в дюнах слон седой.

Оно и в дереве от почек первозданных  
До листьев медленных, что развернутся здесь,  
От первого цветка и до плодов желанных.

Из мира сок живой высасывая весь,  
Сжигает и цветок, и плод едва рожденный,  
Но раздувает мощь и нагнетает спесь.

Нескверный мил ему, но мил и оскверненный.  
Закончившись, опять начнется кутерьма,  
Лад восстановится, Господень чин законный.

Ты скажешь, это Смерть? Нет, это Жизнь сама!

## СОНЕТ-ЦИРКУЛЯР

*при получении портрета рыжекудрой  
дамы от семерых друзей*

Не изменив непринужденной позы,  
Красавица, слегка утомлена,  
Зарубкою — страничка прочтена —  
Оборвала разбег цветистой прозы.

Уметь бы ей ценить апофеозы  
И цепенеть! Она пригвождена  
И не сойдет с тугого полотна,  
Но не молчат, увы, живые розы!

И, вот, она уже на Колизей  
Ссылается — на семерых друзей,  
Внушительным клянется Пантеоном:

«Мне велено отныне жить с тобой.»  
Я волю их считать готов законом:  
— Что-ж, если так, то будь моей судьбой!

## СПИНОЗА

Ты — как и все, но вовсе не такой!  
Светильник твой чадит вонючим жиром,  
Щипцы, наждак сжимаешь ты рукой,  
А в голове — владеешь целым миром.

Ты мысленным повелеваешь пиром,  
А трудишься в убогой мастерской:  
Ведь и купцам, князьям и командирам  
Не убежать от общности людской!

Так пусть вокруг раздолье непогоде:  
Снег и мороз, и ветер — низачем.  
Работая, ты мыслишь на свободе —

Благ и суров, красноречив и нем,  
О времени, о Боге, о природе —  
Сплетеньями бесстрастных теорем.

ОРАСИО БАЙЕНСЕ

### ГРЕХИ

За право грешить невозбранно  
ты сердце оставил в заклад:  
проценты платил постоянно,  
не видя услад.

Усталый от грехопадений,  
расписку ломбарда порви:  
любовь без греха полноценней,  
чем грех без любви!

МАНУЭЛ БАНДЕЙРА

## БОЛЬНОЙ РЕБЕНОК

Твой ребенок спит.

Спи, дитя, спокойно:  
Мать над ним сидит,  
На него глядит,  
Тихо напевая:

— «Уходи, напасть,  
Нам тебя не надо!  
Спи же, спи, родной...»

Очень мать устала, —  
Сон принес покой.

За спиной у спящей  
Дева Пресвятая  
Песню продолжала —  
Голос, как у спящей,  
Льется, напевая:

— «Спи, моя любовь,  
Спи, моя отрада...»

И ребенок спит.

## ГЛУБОКИМ СНОМ

Когда я вчера засыпал  
В ночь под Ивана Купалу,  
Было веселье и шум:  
Взрывы хлопушек, шипенье бенгальских огней  
И голоса, и песни, и громкий смех  
Над полыхающими кострами.

Я проснулся позднею ночью.  
Голоса умолкли и смех.  
Только одни шары  
Проплывая, качаясь,  
Молчком да тишком,  
И еще временами  
Грохот трамвая  
Прорезал тишину,  
Как туннель.  
Где же были все те, что недавно  
Хохотали,  
Плясали  
И пели  
Над полыхающими кострами?

Все спали,  
Все лежали  
И спали  
Глубоким сном.

\* \*  
\*

Когда мне было шесть лет,  
Я не видел конца кануна Ивана Купалы,  
Ибо я засыпал.

А сегодня совсем голосов тогдашних не слышу:  
Бабушка,  
Дедушка,  
Тотонио Родригес,  
Томазия,  
Роза —  
Где они все?

Все они спят,  
Все лежат  
И спят  
Глубоким сном.

### ЗАБАВНЕЙШИЙ МАДРИГАЛ

Тереза, ты красивее всего, что я видел  
в жизни, красивее даже морской  
свинки, которую мне подарили,  
когда мне было шесть лет.

## ЗАВЕЩАНИЕ

Чего хочу и не имею,  
Лишь то дает обогащенье.  
Деньжонки были — растворились,  
Ухаживанья позабылись...  
Я был в отчаяньи, но, верю,  
Услышано мое прощенье.

Моей земли я видел земли,  
По чуждым землям я прошёл.  
Но лучше нет запечатлённых  
В глазах, мельканьем утомленных,  
Земель, что сам я изобрел!

Мне любы маленькие дети,  
Но их зачем-то я лишен.  
Ребенок! Обойден судьбою,  
В груди ребенка я укрою,  
Что не был никогда рожден!

В строители меня готовил  
Отец от самых юных лет.  
Здоровье подвело: простите-ль?  
Не вышел из меня строитель:  
Я только небольшой поэт.

Стихов я не пишу военных:  
Иной порыв, иной накал!  
Но жизнь я отдаю победе  
В самоубийственной торпедо  
На той войне, где не бывал.

## ИМЯ

Мне имя твое — как напев сирены:  
Всегда предо мной начеку, на страже.  
Его я пишу на песке у пены  
Морской, и на ветре весеннем даже!

## ИНГАЛЯЦИЯ

Жар, кровохарканье, пот по ночам, задыханье.  
Не было жизни, которая быть бы могла.  
Кашель, кашель, кашель.

Вызвали лекаря.

— Скажите тридцать три.

— Тридцать три... тридцать три... тридцать три...

. . . . .

— В левом легком каверна, и правое поражено.

— Доктор, нельзя ли попробовать ингаляцию?

— Нет. Остается одно — играть аргентинские  
танго.

## ИРЭНА НА НЕБЕ

Черная Ирэна,  
Добрая Ирэна,  
Милая беззлобная Ирэна.  
Представляю себе, как Ирэна приходит на небо:  
— Пропустите, белый!  
И апостол Петр отвечает:  
— Проходи, Ирэна. Тебе и не надо просить  
разрешенья.

## ЛАСТОЧКА

Ласточка вьется и, кажется, повторяет:

— День провела я впустую, впустую!

Ласточка, ласточка, песня моя бесконечно  
грустнее:

Целую жизнь я истратил впустую, впустую...

## МАРИЗА

Иногда над сухим песком  
Пахнет свежим дыханьем бриза,  
Что рожден в краю колдовском.  
Так же имя твое, Мариза,  
Возникает в шуме морском,  
А кончается тише бриза.

## МОЛИТВА

Я столько стихов написал Терезе —  
Печальных, не слышанных от начала.  
Просил и молил. И не много было,  
Чего я просил. И совсем не славы,  
Не страстных утех, и не денег даже!  
Просил я лишь радости светлокрылой:  
Святая Тереза не отвечала.

Затем призывал я других угодниц,  
Но смотрят святые куда-то мимо,  
Как женщины те, что зачем-то лгали.  
Когда я и добрых забыл, и строгих  
(А много молился, просил у многих),  
Святую мне Риту друзья назвали:  
Исполнит и то, что неисполнимо!

...С пустыми руками отпущен снова!  
Метался и рвался из паутины.  
О радости больше просить не смею:  
Ведь радость — личина совсем иного.  
Приходит ответ, но приходит поздно,  
И то, для чего я кружил по свету  
И в чем не сильна и святая Рита,  
Ты дашь, если будет Тебе угодно,  
О, Богоматерь Доброй Кончины!

## МОРСКАЯ СВИНКА

Мне, шестилетнему,  
Подарили морскую свинку.  
Как сердце мое болело,  
Что зверушка решила всегда оставаться под  
печкой!

Уносил я ее в гостиную,  
Где красиво и очень чисто.  
Но она не хотела:  
Возвращалась назад под печку,  
Да и ласки моей совсем ей не было нужно...

— Та морская свинка была моей первой  
любовью.



## ПЕСЕНКА

В прибое прибрежном  
В соленой волне  
Быть хочу божком  
Дремлющим на дне.

В прибое прибрежном  
Кто ходит ко мне?  
Любы мне русалки  
В морской глубине.

Хочу быть божком  
В соленой волне.  
Если б мою память  
Выключить вполне.

*(Переведено силлабическим  
стихосложением)*

## ПЕСНЯ О СМЕРТИ

Неудавшийся северянин,  
Смел я не был, ни безустанен,  
Но земную жизнь я любил.  
А теперь да будет желанен  
Смертный час, хоть жалею вновь:  
Выбрать смерть мне рок не судил.

От любви получил я в жизни  
Всё, что дать умела любовь:  
Я любил, в ответ не любимый,  
И, любимый, тоже любил.  
Смерть, забыть я в тебе хотел бы,  
Что в недоброй, но милой жизни  
Лишь любви отдавал я кровь.

Удалиться без канители  
Я сумею — достанет сил —  
Не поддавшись ни укоризне,  
Ни тоске о том, что оставлю  
Скуповатой мачехе-жизни  
Всё, что так я верно любил.

## ПРИГОТОВЛЕНИЕ К СМЕРТИ

Жизнь — это чудо,  
И нет цветка,  
Что не был бы чудом по виду, запаху, цвету,  
И каждый цветок — это чудо.  
И птица каждая  
С ее опереньем, полетом и пеньем,  
И каждая птица чудо.  
Пространство безмерно:  
Пространство — чудо.  
И время безмерно:  
И время — чудо.  
Сознание — чудо.  
Всё в мире чудо.  
Всё, кроме смерти.

Гряди же, смерть, конец чудесам и миру!

## СТИХИ, НАПИСАННЫЕ НА ВОДЕ

Я заменил совсем другими  
Те строки, что ушли в волну.  
Вообразить, что будет с ними,  
Девичьему не трудно сну.

Ты боль свою на них возложишь  
И радость — и, быть-может, ты,  
Читая их, заметить сможешь  
На них и отсвет красоты.

Кто слышал их, тот неги милой  
В волненьи их не оценил.  
Пусть омут будет им могилой,  
Где ветер их похоронил.

## СТИХИ ОБ УСОПШИХ

Завтра день поминанья усопших.  
Не забудь пораньше пойти  
На кладбище — и могилу  
Моего отца посети.

Принеси с собою три розы,  
Помолись и слезу пролей  
Не за отца, а за сына,  
Которому это нужней.

Чем еще я остался в жизни?  
Болью с горечью пополам!  
Я не жду, не люблю. По правде —  
Тоже мертвый, я тоже — там.

## УТРО МАРИИ

Что с тобою, мое сомненье?  
Вот и нет никаких тревог,  
если светлое утешенье  
мне с небес посылает Бог!  
Хорошо засыпать в печали  
и проснуться совсем иной —  
полной счастья, хоть мир едва ли  
изменился вместе со мной.  
Нет! Пока я спала в постели,  
позабыв о слезах моих,  
сны счастливые прилетели,  
а теперь я не помню их.  
Верно, были потоки света  
В золотой благодати снов,  
и от них удивленность эта,  
будто радостен мир и нов.

О, прекрасный луч утешенья,  
передышка среди тревог,  
пусть почаще в час пробужденья  
мне тебя посылает Бог!

## ХВАЛА ГАФИЗУ

Газеллу я несу тебе одной —  
Небесному Гафизу дар земной.

— Поэт Шираза, чьи стихи дышали  
Той горечью, что делишь ты со мной.

Ведь так же я среди загадок мира  
Растерянный, бездомный и больной.

Ты обещал: «Навек останусь верен  
Той, для кого я — ветрогон шальной.»

Но с той поры и девы Самарканда,  
И верблюжатник, и мулла дурной

Твои стихи поют — и приправляют  
Кто шуткою, кто жалобой хмельной.

Неблагодарная давно истлела,  
А ты живешь — небесный, но земной.

## ЭПИГРАФ К СБОРНИКУ «ПЕПЕЛ ЧАСОВ»

Общий баловень, я мальчуганом,  
Как другие, смеялся и пел,  
Но потом, налетев ураганом,  
Рок со мной поступил, как хотел.

Демон жизни, крылатый, мятежный,  
Прямо в сердце ворвался мое  
И всё то, что лелеял я нежно,  
Он унес, насадив на копье.

Взволновал, разломал, обесславил,  
Сжег безжалостным диким огнем,  
И одно мое сердце оставил  
Догорать — одинокое — в нем:

В долгих криках тоски и желанья,  
Страсти, мрака искавшей и мглы,  
И от этих часов догоранья  
Уцелела лишь горстка золы.

— Эта бедная горстка золы.

ОЛАВО БИЛАК

### БРАЗИЛЬСКАЯ МУЗЫКА

Порой в тебе горит огонь верховный  
Любви такой, что, утопая в нем,  
Становится прерывистым огнем  
Зов колдовства и похоти греховной.

Мне слышится в неистовстве твоём  
Печаль морей, лесов, пустыни ровной —  
Плач белизны и банзо стон любовный,  
И порасэ с топтаньем и вытьем.

В тебе батук и самба, и томленье  
Сиротское — бескрайная тоска  
По родине раба и моряка,

И дикаря — и боль, и наважденье.  
Ты — поцелуй бездомности тройной,  
Трёх скорбных рас один цветок больной!

## ПОРТУГАЛЬСКИЙ ЯЗЫК

В тебе — цветок над собственной могилой —  
Жива латынь, предел твоих высот:  
Как золото среди пустых пород,  
Она в тебе лежит сокрытой жилой.

Люблю в тебе то лиры мерный ход,  
То звук трубы с его дикарской силой:  
То грохот бурь и беснованье вод,  
То жалобы и вздохи грусти милой.

Люблю тебя за острый запах рощ,  
За сумрачность и девственную мощь,  
За шум лесов, за рокот океана.

Мне пела мать на этом языке  
И сосланный Камоэнс вдалеке  
Оплакивал бессилье великана.

ЖОАКИН КРИСПИНИАНО  
КОЭЛЬО БРАНДАН

### ПОСЕЩЕНИЕ САЛВАДОРА

Бразилию когда-то в колыбели  
Покоил ты, мой нежный Салвадор,  
И я гляжу на прошлое в упор,  
Пока глаза не вовсе ослабели.

Здесь, юноша, искал я доброй цели,  
Чтоб выполнить с тобою договор  
И послужить закону: до сих пор  
Его статьи в душе не потускнели.

Учители и соученики —  
Их нет уже — всё так же мне близки,  
Пусть им Господь пошлет упокоенье,

А городу успел я донести  
Всегдашнее мое благодаренье  
И, может-быть, последнее «прости!»

## СТАРЕЦ

Состариться до ста — принять дурные сроки,  
С грехами праотцев сложить свои грешки  
И преждевременно, в безволии тоски,  
Встречать без панцыря житейские наскоки.

Прикрыть вулкан страстей болотами мороки,  
Надежды смелые сменить на пустыаки,  
На пресный варенец — желаньям вопреки —  
Порывы творчества и жизненные соки.

И всё же юношу я вовсе не учу  
Скорее с двух концов палить свою свечу:  
Живи умеренно, смеясь и плача просто.

Прячь от грабителей жемчужину свою,  
И, вечно молодой, ты доживешь и до ста,  
Господень первенец в неотнятом раю!

ВИРА ВОВК

## РАССВЕТ

Пойдем со мной в предутренние скинии:  
Звезды последней нет уже, взгляни!  
Ночь тает. У нее ресницы синие,  
А в косах обреченные огни.

Пойдем со мной. Волна бежит ослабленной  
За флейтою по гладким валунам,  
И за притронувшейся к небу яблоней  
Пора звенеть долинам и холмам.

*(Переведено с португальского перевода прозостихом).*

АЛЬФОНСУС ГИМАРАЭНС

СОН

Не юноша, а все-таки мечтой  
Сведен и я с намеченной дороги.  
Душа поет, но больше не эклоги,  
А вечный гимн о выси золотой.

Но в глубине таится ключ тревоги,  
И даже взор, согретый добротой,  
Теперь горит, влекомый высотой,  
Полетом в рай и раствореньем в Боге.

Я на горе незыблемой стою,  
Гляжу кругом — и призываю светы  
Небесные наполнить грудь мою.

Но сон бежит. И прежние приметы  
Мне говорят о мелочном добре.  
Зачем же я стоял на той горе?

АЛЬФОНСУС ГИМАРАЭНС МЛАДШИЙ

ПЕСЕНКА О ВЗМОРЬИ

Один я, один на взморьи,  
Зачем же тепло луча  
Мне ласково греет щеку?  
Ведь я утонул, крича.

И снова пляшу на взморьи?  
Пляшу? О том не мечтал.  
Но вчуже срываю розу,  
Которой не целовал.

А только свет не отсюда,  
Тепло с иных берегов.  
И все-таки: с миром прежним  
Я, новый, плясать готов!

ЛУИС ГИМАРАЭНС МЛАДШИЙ

### ГИТАРА

Я томно пел: — «О, украшенья дев!» —  
И голос мой поддерживала лира,  
И слушала луна простой напев  
За пологом струистого сапфира.

— «О, эта грудь! О, голубков чета,  
Укрытая в гнезде из тонкой ткани!» —  
Тут заворчал, быть-может, неспроста  
Ревнивый вал, метнувшись в океане.

— «О, радости неистребимых дней  
Былой весны, что, вечно молодая,  
Хранит венок ребяческих затей!»

Но даже я, от нежности рыдая,  
Не смог запеть о верности твоей,  
А лира вдруг разбилась, выпадая!

ТОМАС АНТОНИО ГОНЗАГА

К МАРИЛИИ

Марилия, ты не увидишь пленных,  
Зарывшихся в золотоносный щебень  
Вдоль бурных рек и в рудниках, разъявших  
Высокий горный гребень.

Проворного ты не увидишь негра,  
Дробящего песок и комья глины,  
И золота — сверкающих крупинок  
На дне его корзины.

Ты корчеванья джунглей не увидишь  
И рук, что землю выжгут — и упорно  
Ее удобрят пеплом плодородным  
И в ямки бросят зерна.

Ты не увидишь, как они из листьев  
Пахучих скрутят новый тюк оброчный  
И как они между колес зубчатых  
Тростник пропустят сочный.

Зато увидишь на столе обширном  
Мои «дела» — все вздорны, жалки, мелки,  
Но должен я, копаясь в толстых книгах,  
Разоблачать проделки.

Пока разыскивать я буду справки,  
Мне будешь ты читать, моя подруга,  
Историю — но и стихи поэтов  
Изысканного круга.

Прекрасное лицо и голос громкий,  
И быть со мной тебе не надоело!  
Ободренный, я вновь перелистаю  
Очередное «дело».

Красавице другой не позавидуй,  
Марилия, и самой незабвенной:  
Поверь, я донесу векам далеким  
Твой образ несравненный!

АНТонио Гонсалвес Диас

## ПЕСНЯ ИЗГНАНИЯ

О, страна моя! На каждой пальме  
распевает птица сабиá,  
и щебечущим пичужкам здешним  
не сравниться с нею никогда.

Наши звезды гуще и крупнее,  
по оврагам красочней цветы,  
в наших рощах больше оживленья,  
в нашей жизни — больше теплоты.

Я один, и я тоскую ночью,  
радости не зная никогда,  
а на родине — на каждой пальме  
распевает птица сабиá.

Там, на родине, большое счастье,  
потерявшееся без следа.

Я один, и я тоскую ночью,  
радости не зная никогда,  
а на родине — на каждой пальме  
распевает птица сабиá.

Боже, пусть я не умру, покуда  
я вернуться не успел туда,  
не порадовался снова счастьем,  
потерявшемуся без следа,  
не увидел пальмовых деревьев,  
не слышал пенья сабиá.

ЖОАКИН КАРДОЗО

## ПОДНОШЕНИЕ ЛУИСУ ДЕ ГОНГОРА

Некрупных рыб сетями ветровыми  
Я наловил в бездонности полночной,  
Их на песке я разложил, чтоб с ними  
Шептался юг. И вот, во мгле восточной,

Под тихими лагунами морскими  
Заря, ожив под скорлупой непрочной,  
Возносится столбами храмовыми,  
Путиами в мир, проверенный и точный.

От тех садов, чье холил я цветенье,  
Лишь в зеркале осталось отраженье,  
Морской мираж мелькает и поныне.

Но и теперь — не с полными руками,  
Не с розами, не с пышными венками,  
Я твой: прими хоть марева пустыни!

АРИ КЕРНЕР ВЕЙГА ДЕ КАСТРО

### МОИ СТИХИ

Без искусства стихи, без грима,  
Гравированы без прикрас, —  
Вы, конечно, лишь пантомима  
Для ученых и строгих глаз.

У поэтов многих и многих  
Над челом сияет венец.  
Ну, а вас, простых и убогих,  
Красотой обделил творец.

Правда, в грубости вашей дикой,  
В наготе, в нищете великой  
Вы изящества лишены,

Но сказать вы можете смело,  
Что, нескладно и неумело,  
Но из сердца вы рождены!

## ВСЕ КОНЧЕНО...

Всё кончено... С огромною тоской  
Как справиться душе, в тебя влюбленной?  
Всё кончено... И я за мир такой  
Свой мир отдам, в рыдания превращенный?

Всё кончено... В один короткий миг  
Завершено плетенье злого дела,  
Хотя в твоём я сердце жить привык  
И мыслями моими ты владела!

Но — странный рок! — рыдая над гнездом,  
В былые дни построенным с трудом,  
Мы прошлое случайно воскресили.

Счастливые и связанные вновь,  
Мы говорим: — «Да здравствует любовь,  
Бессмертная в несокрушимой силе!»

## ПОЭТОМ БЫТЬ...

Поэтом быть — расцвечивать рыдания,  
Приукрашать всемирную печаль,  
За правдами искать очарованья,  
Боль находить — и прятать под эмаль.

Поэтом быть — нести клеймо напева,  
Петь от любви, от счастья и тоски,  
И даже в миг обиды или гнева —  
Их обрывать, как с розы лепестки.

Поэтом быть — надежд венки печальный  
Бросать в огонь и пепел погребальный,  
Склеп открывать шуршанью мертвых тем.

Поэтом быть — нужна душа без края,  
Чтоб, от любви бессмысленной сгорая,  
В забвеньи жить — и умереть ничем!

ЖОАН КРУШ И СОУЗА

### РАЗДУМЬЕ

Итак, на слом вся жизнь обречена?  
Всё отомрет, исчезнет, истощится,  
Чтоб сделалась подземная темница  
Могилою желания и сна?

Не пропасть ли всё поглотить должна,  
В чем жизнь еще не перестала биться?  
И может ли в одном рыданьи слиться  
Всё то, чему земля была тесна?

Моя душа в слепом круговращеньи  
Застонет ли в унылом нетерпеньи,  
Тащась ползком по лестнице витой?

А может-быть, гонимая тоскою,  
И там пойдет, не приобщась покою,  
За Гамлетом и за его душой?

## СОНАТА

### I

Пусть ветровые песни колдовские  
Безмерного морщинистого моря  
Рокочут о несказанности горя,  
О солнце в теплой, темной летаргии...

### II

Напевы гондольеров чужестранных  
Об их любви, о ностальгичных зовах  
Пусть на волнах взлетают бирюзовых —  
Об истомленных трепетных туманах!

### III

Прекрасные, суровые тритоны,  
В чьем веденьи провалы и разрывы,  
Пусть разволнуют вас валов извивы  
И флейт, и арф, и лютен перезвоны!

### IV

О, первобытный запах, о, морское  
Величество красот высокопарных!  
Так пойте о мечтаньях лучезарных  
В степях луны, не знающих покоя!

РАУЛ ДЕ ЛЕОНИ

## ИНСТИНКТ

Хвала тебе, первичный зов закона,  
Самих вещей и жизни правота!  
Зачем Паскаль, чья сумрачна мечта,  
Зачем и сон пленительный Платона?

Ты восстаешь из трепетного лона  
Живых существ. Их участь — маята:  
Ведь от тебя и пестрая тщета  
Бесцельного мелькания и звона!

Как истине, тебе я отдаю  
Всю чистоту заветную мою —  
В дар слепоте, извечно беспечальной.

Ты, как Эдип — непобедим и нем,  
И ты несешь ответ вопросам всем  
И сфинксовой загадке изначальной!

ОЛЕГАРИО МАРИАНО

### ПОГРЕБЕНИЕ ЦИКАДЫ

Вот муравьи подходят. Окончанье.  
Мгла, сумерки. Дымок издалека.  
Струй дождевых по бархату песка  
Несмелое, дрожащее журчанье.

Сквозь летнее недаром ликование  
Мне слышалась осенняя тоска, —  
А равного не знал я голоса:  
На весь приход гремело дарование!

Над шествием склоняется листва:  
Приспущены знамена в знак печали,  
Лишь муравьи не прячут торжества,

Да близкие огорчены едва ли:  
Вокруг тебя могильщики снуют,  
А мать твоя и сестры всё поют!

СЕСИЛИЯ МЕЙРЕЛЕС

### ВПОЛГОЛОСА

Уходя, я всегда с собою  
уношу молчанье и грусть.  
Одиночества в этом мире —  
их я знаю все наизусть.

Был бы конь со мною на счастье  
или лодка в дали речной!  
Ржанье или хотя бы рокот,  
чтобы мне не идти одной!

Нет, напрасно. Шаги свои же  
я устало влачу едва,  
чтоб когда-нибудь раствориться  
в беспредельности Божества.

## МОРСКОЙ ЦАРЬ

То на веслах, то под парусами:  
наша речь не про якоря...  
Выпадают пути и мы сами  
за пределы календаря.  
Мы — к Полярной звезде. За нами  
спят Плеяды, тускло горя.  
То на веслах, то под парусами.  
Жизнь мала. Бескрайны моря.

Волны, волны... нежны и опасны.  
Нашу песню волнам даря,  
мы идем. Но как мы безгласны,  
с широтой такой говоря!  
Кто-то слушает нас? Напрасно:  
пусть услышат только моря.

Мимо молний и мук, и мелей,  
ни на что вокруг не смотря.  
(То на веслах, то под парусами:  
наша речь не про якоря...)  
Меж водою и ветром к цели —  
отыскать Морского Царя.

\*\*  
\*

Дорога зеленым полем  
кривится туда-сюда.  
Цветы на плетнях и пальмы,  
в ручьях не шумит вода.

Любо брести одной  
долго по дну долины,  
знать, что вечер — мой.

Я ставлю ноги на землю,  
подобье жизни напрасной —  
устойчивой, но бесцельной,  
бессмысленной, но прекрасной.

Любо брести одной  
по каменистой тропке,  
знать, что цветок — мой.

Поступь моя бродяжья —  
подобье лунных лучей:  
я ближе — ты убегаешь,  
душа моя — тень твоей.

Любо брести одной  
в тихой тенистой роще,  
знать, что родник — мой.

Вдаль я смотрела столько,  
что не вижу на шаг впереди.  
Всхожу на холмы, спускаюсь,  
несу пустыню в груди.

Любо брести одной  
вдоль бесконечной ночи.  
Знать, что звезда — со мной.

## ПЕСНЯ

На корабль я сон погрузила  
и, корабль уступив волне,  
— приоткрыла море руками:  
утони, мой сон, в глубине!

И остались мокрые руки  
в густо-синем цвете морском,  
и текущая с пальцев краска  
засинела мертвым песком.

Прилетает издали ветер,  
цепенеет ночь на земле,  
под водой мой сон умирает,  
крепко запертый в корабле.

Буду плакать сколько угодно,  
чтоб еще поднялась вода,  
чтоб до дна корабль опустился  
и мой сон исчез навсегда.

А потом всё будет отлично:  
гладкий берег и тишь вокруг,  
и глаза сухие, как камни,  
и две плети сломанных рук.

## ПОРТРЕТ

Раньше было лицо мое... а стало  
Успокоенным, скорбным, исхудалым,  
И глаза мои не были пустыми,  
Губы не были иссушены ядом.

Эти руки не свисали бессильно,  
Помертвело, безжизненно, снотворно.  
Не имела я и сердца такого,  
Что умеет лишь биться ровно.

Так естественны, верны, неизбежны  
Перемены — совсем не замечались.  
Не в одном ли из зеркал потерялось  
И лицо, мне данное сначала?

ИМПЕРАТОР ПЕДРО II

БРАЗИЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ

Встревожило ребенка привиденье,  
В ночном саду деревья зашуршали.  
Лишь на груди родной, под кровом шали  
Он обретет покой и утешенье.

Уж больше нет надежд на возвращенье  
В Бразилию, но, вот, из милой дали  
Мне горсточку земли моей прислали,  
С которой ждет меня упокоенье.

Я — как дитя, что на груди родной  
Из памяти прогонит страх ползущий,  
И, Родина, — ты сон любимый мой.

Приснятся мне под сенью дальних кушей  
И мир, и свет, и слава, и покой,  
И Божий суд в истории грядущей.

ЗАЛКИНД ПЯТИГОРСКИЙ

## ДЕТСКИЙ ТАНЕЦ ДЛЯ ОДНОГО

На крыльях протяжных ветра  
летал и я в вышине:  
был ветром и частью ветра,  
а ветер — ветром во мне.  
Я ветер, и в недрах ветра,  
и ветер — ветер во мне.

Соленой воде безбрежной  
свою отдавал я соль,  
и капелька соли смежной  
настигла другую соль, —  
конец у нас неизбежный:  
водой становится соль.

К могучим солнечным домнам  
и свой притолкнул я свет,  
с чистейшим светом огромным  
слил робкий маленький свет:  
ведь был я светиком темным,  
а светлый прятался свет!

К поэтам и не-поэтам  
я шел со своей душой,  
чтоб стали в таинстве этом  
их души моей душой!  
Был ветром, солью и светом,  
а душам — не стал душой.

Я в ветре — свой, окрыленный,  
от ветра усвоил роль.  
В пучине горько-соленой  
и я — такая же соль.  
И в солнце — перепаленный,  
я солнце (лучинка, ноль).  
Лишь от людей отделенный,  
я в них ни радость, ни боль.

## ЭЛЕГИЯ ПРАХА

Запевает земля, созывая  
темнокожих своих сыновей  
песней дротиков, стрел и камней,  
стрел, дубин и пращей.

— Нет и нет!

Слышу: песня гремит боевая,  
но молчу. Ненужен ответ.

Или это звенит, призывая  
к единенью разрозненный свет,  
песня мирная — не боевая,  
обещая любовь да совет?

Нет, бушует земля, созывая  
темнокожих своих сыновей  
песней дротиков, стрел и камней,  
стрел, дубин и пращей.

— Нет и нет!

Песня мирная — не боевая  
обещает любовь да совет.

Там, где в поле растут маргаритки,  
золотея от полной луны,  
ветерок не проворней улитки,  
на песке — поцелуй волны,  
там, где солнце в чистейшие слитки  
убирает нагорья страны, —  
не положено полчищам черным  
в ураганном разгуле побед  
обесчестить посевом тлетворным  
урожаи несчитанных лет!

Песня дротиков, стрел и камней,  
стрел, дубин и пращей...

— Нет и нет!

Пусть земля запоет, созывая  
сыновей белолицых своих  
на беседу цветов луговых  
с белокрылыми птицами рая!  
Я за мир — не за гнев, не за злость:  
в шалаше одиноко стоящем,  
как родной, принимается гость,  
слезы льются вослед уходящим.  
Вечерком я люблю иногда  
на пологом бродить косогоре:  
ухожу, и за мною стада  
непрерывно подымутся вскоре!  
На рассвете позволено мне,  
слыша в ветре далекое море,  
улыбнуться любимой жене  
и прочесть любованье во взоре.  
Есть вино и коробка галет,  
и любовь — золотая страница!  
Это ключ, и отсюда напиться  
только Божий сумеет поэт!

Песня дротиков, стрел и камней,  
стрел, дубин и пращей...

— Нет и нет!

Без души, без певучего слова  
был я глиной в начале начал.  
Если мира довольно немного, —  
Бог бы жизнью его не венчал!  
Разве кровью священною брата  
должен мой обagrиться стилет,  
а затем наступила расплата —  
покаянный бессмысленный бред?

Но запела земля, созывая  
темнокожих своих сыновей,  
песню дротиков, стрел и камней,

стрел, дубин и пращей...

— Нет и нет!

Ярость Божью и месть накликая,  
это меч обгаренный воздет.

Столько лучших сынов перебито,  
но земля не раждать не могла:  
там, где Авель закопан убитый, —  
новых Каинов произвела!

Прародитель Адам осужденный,  
не за твой ли старинный позор  
я по этой земле омраченной  
вековечный влачу приговор?

Я судьбою готов поменяться  
со слепцом: ведь ему не видна  
та, в которую нужно спускаться,  
ужасающая глубина.

Мать, зачем ты глаза мне открыла  
на удел мой — на шарик земной,  
где ничто мне не нужно, не мило,  
где лишь кровь да отравы, да гной?

Неужели для клетки звериной  
я рожден — обреченный птенец,  
беспорочный, ни в чем не повинный?  
Хоть бы вовсе не жить, наконец!

Песни дротиков, стрел и камней,  
стрел, дубин и пращей...

— Нет и нет!

АФОНСО РОДРИГЕС

«ПОДХОДИТЬ ВОСПРЕЩАЕТСЯ»

Жемчужными слезами водопада  
Гранитная оплакивает грудь  
Почти дитя, ступившее на путь,  
Которого и начинать не надо.

«В пятнадцать лет я мог ли не шагнуть  
На самый край? Запрещено? — Досада!  
Ужели смерть — такой любви награда?  
От красоты я зла не ждал ничуть.»

Невинное, простое восхищенье —  
Неверный шаг — неловкое движенье —  
Вплотную — вниз — в журчащую волну,

И красота, что нежно зазывала,  
Невольною предательницей стала  
И понесла безвинную вину.

ФРАНСИСКО ОТАВИАНО  
ДЕ АЛМЕЙДА РОЗА

### ЗАЧЕМ ВИДЕТЬ?

Зачем, небесный Учитель,  
Ты глянул и захотел,  
Чтоб тот, кто міра не видел,  
Теперь на него смотрел?

Уж так ли земля прекрасна,  
Чтоб стоило знать ее?  
Здесь каждый зол и коварен,  
И любит только свое.

Прослушав Твое ученье,  
Над ним размышлял слепой.  
Он не был привязан к міру  
И к небу рвался душой.

Была у него собака  
И стайка чужих детей.  
В собаке верной и детях  
Имел он поводырей.

Ты, сжалившись по-земному,  
Явил Свое торжество.  
Но было-б лучше по-Божьи  
Слепым оставить его!

БРУНО СЕАБРА

## РАЗГОВОР

— Поцелуешь меня, смуглянка?

— Что вы мне дадите, сеньор?

— Дам гвоздику.

— Невидаль, право:

Разве мой некрасив убор?

На полях цветочную россыпь

Я увижу при молотье...

Поцелуй отдать за гвоздику?

Нет, оставьте ее себе.

— Если ты меня поцелуешь,

Дам тебе отрез полотна.

— За один поцелуй — и столько?

Вот, неслыханная цена!

Тут подстроена вам ловушка,

Как и мне в затее с цветком.

Полотно на целую юбку?

Пожалеете вы потом.

— Подойди, и узнаешь тайну.

— Доверять не боитесь вы?

А ведь я такая болтушка:

Все мы, женщины, таковы.

Тайна... Мне вы сулите тайну,

Чтоб задаром взять поцелуй —

Поцелуй за глупую тайну!

— Я скажу, что ты — королева,  
Прошепчу тебе на ушко.

— Неужели? Так вы хотите

В короли пробраться легко!

— Если-б только ты захотела...

— Так довольно быть бобылем:  
Вы женитесь на королеве,  
Вот и станете королем.

— Чтоб жениться, я слишком молод!  
— Не по возрасту вам игра?  
Ну, а мне целовать младенцев  
Не к лицу — я слишком стара!

АНТонио Жозе да Силва

### ДЕЦИМЫ

Я зову тебя, читатель,  
А не критика-придиру,  
Но затем, чтоб эту лиру  
Ты щадил, доброжелатель,  
Оттого, что я писатель  
Неказистый, и терпеньем  
Или — лучше — одобреньем  
Извиню свое бряцанье  
И, склонясь, воздам признанье  
Образцовым достижениям.

Стану резвой и лукавой,  
Искрометной, но суровой  
Фабулой — живой и новой,  
Дальновидною забавой:  
Аполлон, венчанный славой,  
Станет светом путеводным,  
И приду к тебе свободным,  
Легкой развлеку игрою,  
Выступлю твоим слугою —  
Автором, тебе угодным.

**II**



РОДОЛФО АБУД

ЛЮБОВЬ

Пощады любовь не знает,  
уносит мир и покой,  
казнит и всего лишает...  
Но я не хочу другой!

АНТОНИЕТА БОРЖЕС АЛВЕС

\*\*  
\*

Кого утешает пустая цветучесть —  
Родиться растением и не расцвести?  
Но так же безрадостна скучная участь —  
Безлюбое сердце по жизни нести.

СЕЗИДИО АМБРОДЖИ

### КРУЖЕВНИЦЫ

Глаза кружевниц грустны:  
слезятся, страшно устали...  
Сплетая нити и сны,  
они счастливей не стали.

ОЛДЕМАР ЛИМА ДЕ АНДРАДЕ

ДОЧЬ

Я всё больше и больше видеть рад  
этот ранец и форменную одежду,  
и ручонку, в которой букварь зажат...  
Провожая в школу мою надежду.

ЖЕЗИ БАРБОЗА



Зайди сюда, шальной цыган бродячий,  
От шалаша не отступайся прочь:  
Напиток освежающе-горячий  
Из чаши поцелуев пей всю ночь!

СЕЗАРИО БРАНДИ ФИЛЬО

## ОБМЕН

Разочарованы угловатостью света,  
мне поменяться судьбой друзья предлагали,  
верно, не зная, что значит выдумка эта —  
только одни на другие сменить печали.

ШИКО ВЕЙГА

### БРОДЯГА

Славный домик, просторный двор  
и в углу — гамак нескрипучий,  
и приветливый женский взор...  
Ты мечтал ли о жизни лучшей?

### РОТ

Что за ртище! Огромной сумой  
растопырился — трудно поверить!  
Даже больше, пожалуй, чем мой?  
Так позвольте, пожалуйста, смерить!

ЖОЗЕ КАРЛОС ГИМАРАЭНС

\*\*  
\*

Как листья осенью унылой  
С прощальным ропотом слетают,  
Так сны мои о жизни милой  
И все надежды умирают.

АГМАР МУРЖЕЛ ДУТРА

## ЛЮБОВЬ

Ты в оде гремишь хвалебной,  
хрипишь в задыханьи пыток,  
любовь — то нектар целебный,  
то смертоносный напиток.

КОЛОМБИНА  
(ИДА ШОЛЕНБАХ-БЛЮМЕНШТЕЙН)

### НЕСЧАСТЬЕ

Несчастье — чахнуть от страсти  
И в горле чувствовать ком,  
Но есть и хуже несчастье —  
Не тосковать ни о ком!

*ИВО ЛОЙОЛА*

**СЕКРЕТ**

**Я сказал бы, что в жизни нет  
места жалобам и обидам:  
кто другой сохранит секрет,  
если сам же его я выдам?**

ФРАНСИСКО МАДУРЕЙРА

ПОБЕДА

В этой жизни, мелкой и бедной,  
я подчас бываю смущен:  
если слышится гром победный,  
значит, кто-то был побежден.

*МАНИНЯ*

### ФАНТАЗИЯ

Для фантазии, нимфы утешенья,  
я дверные засовы отодвину:  
половина моего сновиденья  
пусть отыщет другую половину!

ПЕТРАРКА МАРАНЬЯН

### ЛЮБОВЬ И СТРАХ

То жалобы, то проклятья, —  
двоится жестокая страсть:  
упасть бы в твои объятия,  
но в руки тебе не попасть!

### ОПАСНОСТЬ

Подожди, простудиться могу я  
и буду ходить больной,  
после жаркого поцелуя  
на холод выйдя ночной...

МАРКИЗ ДЕ МАРИКА

### ЭПИТАФИЯ

Здесь только прах почивает  
маркиза де Марика,  
а душу — в его писаньях  
найдете наверняка.

ДУРВАЛ МЕНДОНСА

### АЛЕЙЖАДИНЬО

Калека, но духом крылатый,  
титан несгибаемой воли,  
создатель двенадцати статуй,  
бессмертный в томленьи и боли.

### ДЕТИ

Наблюдая толпу детишек,  
их глазами глядим на свет  
и откидываем излишек  
их и нас разделивших лет.

### ЗНОЙНАЯ НОЧЬ

Нам ночью душною не спится:  
мы ждем, развесив гамаки,  
что спустится луна напиться  
воды прохладной из реки.

### МОЛИТВА

Сынам Твоего творенья  
дай, Боже — до часа казни —  
немного больше терпенья,  
немного меньше боязни.

## ОЖИДАНИЕ

Как ты долго! Уже светает...  
Не твои ли шаги слышны?  
Но нет, это время шагает  
коридорами тишины.

## ПОЭЗИЯ

Поэзия зовет и движет  
неотразимее всего  
в том, как неумоимо лижет  
овца ягненка своего.

## ПРОЩЕНИЕ

Господи, прости мне прегрешенье,  
что обидчика я не простил,  
чтобы заслужить Твое прощенье:  
я хотел, да не хватило сил.

## СТИХИ

У меня не стихи, а вешки  
на путях, ведущих в беду, —  
здесь улыбки, а там насмешки:  
тем и тем я запись веду.

## ТАЙНА

«Готово сердце, готово», —  
а мы склониться должны,  
чтоб истиной стало Слово  
во чреве Девы-Жены.

## У КОНЦА

Мы бредем по жизни вперед  
и не видим из-под плаща,  
что надежда рядом идет,  
сожалений ворох таща.

МАРИЯ ДО НАСИМЕНТО

ЛУНА

Морщиниста и холодна  
пустыня бесстыдная эта.  
Но как ты сумела, луна,  
так долго морочить поэта?

ЛУИС ОТАВИО

КОРОЛЬ ЛИР

Как у Шекспира бесприютный Лир,  
раздавленный лавиной унижений,  
не мог бы я стерпеть жестокий мир,  
когда-б не мир стихов и песнопений!

ЖОЗЕ ГОМЕС ПИМЕНТА

СЛЕПЕЦ

Дано почувствовать слепцу  
возню и пенье заревое:  
одно ничто пришло к концу,  
ничто задвигалось другое.

НИЛО АПАРЕСИДА ПИНТО

ЧАСЫ

Ручные часы украшаю  
портретом моей дорогой:  
пусть делает, что захочет,  
с часами жизни другой!

ЗАЛКИНД ПЯТИГОРСКИЙ

ИЗ КНИГИ «ПЕСНИ БЛИЗКОЙ ЦЕЛИ»

35

На жизненной авансцене  
дурак упрямо кричит  
одно: — «Я гений, я гений!»  
А гений чаще молчит.

38

Зимой, но также и летом  
велит само естество  
двуногому быть одетым.  
А вырезы — для чего?

40

Великим дана свобода  
от суеты и возни:  
спокойна сама природа,  
сменяя ночи и дни.

48

Глаза слезами, как чаши,  
полны. Ты их оботри:  
горчайшие муки наши  
остаться должны внутри!

72

Бесстрастное пенье льется,  
но ты, поэт, пожалей  
сердца, которым придется  
над песней плакать твоей!

73

Что-ж, выйди в князя и гранды, —  
конец и для них один.  
А я вспоминаю Анды:  
снега и холод вершин.

77

Как только чужак прикоснется,  
мой пес неизменно струсит,  
ощерится, отшатнется  
и спросит: — «А он не укусит?»

84

Мне жизнь моя надоела:  
всё жду просвета в судьбе...  
Вот ласточка прилетела:  
справляется о тебе!

89

Как будто ветер спадает?  
Довольно словесных бурь:  
когда дурак рассуждает,  
становится явной дурь.

90

Запала картинка эта  
вечерняя в сердце мне:  
полоска лунного света  
грустит на твоём окне.

ИЗ КНИГИ «ТРОСТНИКОВАЯ ФЛЕЙТА»

2

Со дней сотворенья міра  
народам и племенам  
дано добиваться мира...  
А мир не дается нам.

72

Свобода... Как ненавистен  
кумир, воспетый народом!  
Бог — вечный пленник у истин,  
мы — пленники мимоходом.

74

Мечта влюбленных — сродниться  
в полете, в беге, в покое,  
но только душа-близница  
дарует счастье такое!

75

За слезами — правда живая:  
кончается плачем смех.  
Улыбался Бог, создавая  
мір — и, плача, умер за всех.

76

Я звал, но не отвечали,  
отмалчивались на бегу,  
но знаю, что в их печали  
в отместку я помогу.

78

Оставит ли нас в покое  
унынье? Как ни хитри:  
одно уйдет, а другое  
рождается изнутри!

98

Напрасен дар колоколен —  
глубокий бронзовый звон:  
мир неизлечимо болен,  
страданьем пронизан он.

АНТОНИО САЛЕС

### НА МОГИЛЕ ТОЛСТЯКА

В камень череп обратится  
подле жижи жировой,  
а впоследствии случится,  
что забьет твоя гробница,  
как источник нефтяной!

### ПАТРИОТ

Вот примерный демагог —  
канарейкою распелся:  
затверженный свой урок  
повторял, покуда мог.  
Замолчал, когда наелся.

АПАРИСИО ФЕРНАНДЕС

### ЗАСУХА

Вот опять семья побежала,  
оставляя стада и дом:  
умирают сердца сначала,  
умирают тела потом.



## СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От переводчика	3
I	
Отрывок	19
Алварес де Азеведо	20
Антонио Азеведо	21
Жозе Албано	23
Гильерме де Алмейда	24
Марио де Андраде	25
Аугусто доз Анжос	26
Машадо де Ассис	29
Орасио Байенсе	36
Мануэл Бандейра	37
Олаво Билак	58
Жоакин Криспиниано Коэльо Брандан	60
Віра Вовк	62
Альфонсус Гимараэнс	63
Альфонсус Гимараэнс Младший	64
Луис Гимараэнс Младший	65
Томас Антонио Гонзага	66
Антонио Гонсалвес Диас	68
Жоакин Кардозо	69
Ари Кернер Вейга де Кастро	70
Жоан Круш и Соуза	73
Раул де Леони	75
Олегарио Мариано	76
Сесилия Мейрелес	77
Император Педро II	82
Залкинд Пятигорский	83

Афонсо Родригес	88
Франсиско Отавиано де Алмейда Роза	89
Бруно Сеабра	90
Антонио Жозе да Силва	92

## II

Родолфо Абуд	95
Антониета Боржес Алвес	96
Сезидио Амброджи	97
Олдемар Лима де Андраде	98
Жези Барбоза	99
Сезарио Бранди Фильо	100
Шико Вейга	101
Жозе Карлос Гимараэнс	102
Агмар Муржел Дутра	103
Коломбина	104
Иво Лойола	105
Франсиско Мадурейра	106
Манинья	107
Петрарка Мараньян	108
Маркиз де Марика	109
Дурвал Мендонса	110
Мария до Насименто	113
Луис Отавио	114
Жозе Гомес Пимента	115
Нило Апаресида Пинто	116
Залкинд Пятигорский	117
Антонио Салес	122
Апарисио Фернандес	123

## КНИГИ ВАЛЕРИЯ ПЕРЕЛЕШИНА

### *Распроданы*

- I. В ПУТИ (1937)
- II. ДОБРЫЙ УЛЕЙ (1939)  
СКАЗАНИЕ СТАРОГО МОРЯКА (1940) — перевод  
поэмы С. Т. Кольриджа
- III. ЗВЕЗДА НАД МОРЕМ (1941)
- IV. ЖЕРТВА (1944)

### *Имеются в продаже*

- V. ЮЖНЫЙ ДОМ (1968). Нейманис, 5 ам. долл.  
СТИХИ НА ВЕЕРЕ (1970) — антология китайской клас-  
сической поэзии. Посев, 5 ам. долл.
- VI. КАЧЕЛЬ (1971). Посев, 5 ам. долл.
- VII. ЗАПОВЕДНИК (1972). Посев, 5 ам. долл.
- VIII. С ГОРЫ НЕВО (1975). Посев, 5 ам. долл.  
ЛИ САО (1975) — перевод поэмы Цюй Юаня. Посев,  
5 ам. долл.
- IX. АРИЭЛЬ (1976). Посев, 10 ам. долл.  
ЮЖНЫЙ КРЕСТ (1977) — антология бразильской поэ-  
зии  
Посев, 5 ам. долл.

### *Приготовлены к печати*

ДАО-ДЭ-ЦЗИН — стихотворный перевод с китайского  
ЦАРЬ САУЛ — драматическая поэма  
ДУХОВНАЯ ПЕСНЬ — перевод поэмы св. Иоанна от  
Креста с испанского  
ТЕНЬ НА ЗАНАВЕСКЕ — вторая антология китайской  
классической поэзии  
СЛЕДЫ НА ПЕСКЕ — газеллы и персидские четверо-  
стишия  
АНГЛИЙСКИЕ СОНЕТЫ ФЕРНАНДО ПЕССОА  
ПОЭМА БЕЗ ПРЕДМЕТА